

дает предпочтение. Не следует забывать, что происхождение той или иной части культурного наследия любого народа отнюдь не всегда идентично происхождению его современного языка. Культура народов, которые приняли участие в формировании современных тувинцев, далеко не совпадает с культурой восточных тюрков не только наших дней, но и весьма отдаленных времен.

Рассматривая похоронный обряд тувинцев-ламаистов, автор книги приходит к очень важному выводу (стр. 114) об отсутствии у них канонизации этого обряда, о значительном разнообразии похоронной обрядности в однородной (с известными оговорками) этнической и религиозной среде.

Представляется совершенно верным деление В. П. Дьяконовой похоронного обряда на три цикла — действия с момента смерти до похорон, похороны и поминальный цикл. В данном случае применяемый автором книги термин «погребальный обряд» лучше заменить на «похоронный», так как термин «погребальный» в большей мере отражает действия второго цикла, т. е. собственно погребения. Справедливо указывая, что поминальные обряды тувинцев отличаются по своей сути, например, от христианских, автор книги не акцентирует внимание читателей на связи поминального обряда с культом предков. Между тем эти связи хорошо видны из приводимого в книге конкретного материала.

Трудно согласиться с В. П. Дьяконовой (стр. 118), говорящей о нецелесообразности помещения в рецензируемой книге карт, которые показывали бы общее и особенное в похоронном обряде в целом, и в погребальном обряде в частности, у различных групп тувинцев. Такие карты, особенно на фоне расселения тувинских племен XIX в., сделали бы книгу еще более значимой.

Наблюдения автора относительно различий в похоронной обрядности, которые определяются социальным и имущественным положением погребенного, заслуживают самой высокой оценки. Существующее в науке мнение, что поздние погребальные памятники не отражают имущественного и социального положения захороненного, полностью опровергаются приводимым в книге материалом.

Значение выводов В. П. Дьяконовой относительно этнической атрибуции погребений, когда «...формы погребения трупа и устройство погребальных сооружений могут быть различными у одного и того же народа» (стр. 162), далеко выходят за рамки собственно тувинского материала. Как и абсолютное большинство других теоретических положений книги, эти выводы подтверждаются погребальными памятниками народов Средней Азии и части Казахстана, которые исповедовали иную религию. К сожалению, автор книги не дала своего объяснения этим различиям.

В заключение следует сказать, что отмеченные недостатки книги ни в коей мере не снижают ее значения для дальнейшей разработки такого важного исторического источника, как поздние погребальные памятники и похоронный обряд. Представляется, что рецензируемая книга является начальным этапом всестороннего исследования похоронного обряда и погребальных сооружений не только населения Тувы, но и соседних народов Южной Сибири. Несомненно, исследуемый В. П. Дьяконовой источник в значительной мере раскроет свои возможности, если автор книги в дальнейшей работе применит необходимые статистические методы для систематизации материала. Это откроет широкие перспективы, во-первых, в чисто источниковедческом плане, и во-вторых, в этнической атрибуции типов погребений. Особенно важен первый аспект. До недавнего времени подавляющее большинство исследователей, в той или иной степени касавшихся погребальных сооружений, полагали, что их конструкция и сопровождающий инвентарь целиком определяются этническими традициями и религиозными представлениями. Неточность этого положения сразу становится очевидной, как только погребения начинают исследовать с учетом всего комплекса влияющих на них факторов. К таким факторам относятся, наряду с «этническими традициями» и религиозными системами, хозяйство, социальные отношения, ландшафт, демографическая ситуация на данной территории и др. Учесть их при традиционных методах исследования далеко не всегда возможно. Применение многофакторного анализа при изучении погребений раскрывает в полной мере возможности источника и дает ответы на несравненно большее количество вопросов.

С. П. Поляков

К. П. Белобородова. Приамурские узоры. Л., 1975, 106 с., илл.

Возросший в последние годы интерес к декоративному искусству народностей Советского Дальнего Востока вполне закономерен. Благодаря выставкам народного творчества в Москве, Ленинграде и других городах страны это искусство стало известным далеко за пределами Дальнего Востока. Однако широкий читатель до недавнего времени не был с ним знаком. Научные труды по этому вопросу из-за их малого тиража уже теперь стали библиографической редкостью.

И вот появилась, наконец, общедоступная и хорошо иллюстрированная книга-альбом «Приамурские узоры», написанная сотрудником Хабаровского краевого дома народного творчества К. П. Белобородовой.

Перед автором стояла трудная и вместе с тем благородная задача — рассказать в популярной форме об особенностях орнамента народностей Приамурья — нанайцев,

нивхов, удэгейцев, негидальцев, орочей, ульчей — о секретах их мастерства и об основных видах их декоративного искусства. К. П. Белобородова давно изучает искусство народностей Приамурья. Для сбора материала она изъездила весь край, побывала в самых отдаленных таежных селениях охотников-рыболовов. В результате появилась эта интересная книга, которую с большой пользой для себя прочтет всякий, кто интересуется жизнью, бытом, культурой и искусством коренных народностей таежного края. Благодаря переводу кратко содержания книги на английский, французский и немецкий языки с ней познакомятся и зарубежные читатели.

Композиционно книга построена несколько необычно и довольно интересно. Она открывается кратким вводным рассказом «Время минувшее», исподволь подводящим читателя к очень важной проблеме преемственности художественных традиций: «...Жила была в таежном стойбище нанайская девочка Чикүэ. Зимними долгими вечерами, сидя у очага в своей бедной хижине, она слушала сказки своей бабушки. Под эти сказки женщины из стойбища, приходившие к ним в хижину, шили торбасы и халаты, украшая их чудесными узорами. Девочка Чикүэ внимательно следила за их работой, и ей очень захотелось самой научиться вышивать такие же красивые узоры. И она беретса за иглу...». Потому и живо искусство народностей Приамурья, что от матери к дочери, от отца к сыну передавался многовековой мудрый опыт древних художников из народа, увековечивших свой талант и мастерство в творчестве многих и многих поколений.

Заканчивается книга рассказом «Время текущее». Мы снова оказываемся в жилище Чикүэ, ставшей теперь уже бабушкой. Но как изменилось все вокруг! Чикүэ живет в светлом просторном доме, в нем есть и радио, и электричество. Она прославилась своим маленьким народ замечательным искусством вышивки. Она окружена почетом и уважением за то, что бережно пронесла в течение долгой жизни и сохранила в чистоте лучшие традиции искусства своего народа (стр. 45).

С большим интересом читаются главы «Нанайцы, ульчи, орочи — кто они?» и «Таежная эстетика», повествующие о жизни и быте народностей Приамурья, об их понимании эстетики, красоты. Материал, с которым мастер работал, часто подсказывал ему и технику, и приемы работы — тиснение, резьбу и аппликацию по бересте, плетение из корней тальника, резьбу по дереву, вышивку и мозаику из кусочков меха. Тайга и великий Амур не только кормили, но и одевали человека, они давали все необходимое для изготовления жилищ и посуды, средств передвижения и охоты (стр. 12).

Самый большой раздел книги посвящен орнаменту. Автор знакомит читателя с композицией орнамента народностей Приамурья, выявляет общие его черты и закономерности в искусстве нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, негидальцев, а также живущих в крае небольшими группами эвенков и якутов, раскрывает секреты их мастерства — технику вышивки, аппликации и меховой мозаики, способы изготовления ковров и художественных изделий из бересты (стр. 12—39).

Определенную научную ценность представляют записанные автором технические приемы работы, о которых рассказано в главе «Мастера раскрывают секреты» (стр. 39—43). Читатель сможет узнать о способах обработки рыбьей кожи в нанайских селениях Синда, Болонь и Кондон, выделки ровдуги у нанайцев и негидальцев, подготовки кожи для шитья торбасов и для кумаланов (ковриков из шкур сохатого), изготовления рыбьего клея, выбора лозы и бересты и многое другое.

В главе «Синий цветок коммелины» (стр. 43, 44) К. П. Белобородова рассказывает о секретах приготовления красителей, придающих искусству народностей Приамурья богатство колорита, цветовую звучность и разнообразие, так поражавшие исследователей их творчества. Оказывается, краски умели получать сами амурские мастера. Эти сведения Белобородова впервые ввела в научный оборот. Так, она рассказывает о приготовлении красок: синей — из лепестков цветов синеглазки или лазорника (из семейства коммелиновых), красной — из сосновой коры, вываренной в воде, а также из железного сурика и из ягоды клюквы, черной — из саж, растертой с толченой или высушенной кетовой икрой или из ягоды черемухи, коричневой — из коры старой лиственницы и желтой — из гнилушек на дубах, разведенных водой. Для этого в науке существовало другое мнение.

Так, известный исследователь искусства народностей Приамурья, американский ученый Б. Лауфер полагал, что они пользовались китайскими красками¹.

В тексте книги 24 иллюстрации, в альбоме 37, многие из них воспроизведены в цвете. Они дают хорошее представление о колорите, форме и об орнаменте художественных изделий. Хочется отметить и высокий уровень полиграфического исполнения рецензируемой книги.

К сожалению, в этой интересно написанной и хорошо изданной книге имеются некоторые досадные недостатки.

Так, в главе «Таежная эстетика» автор ничего не говорит об эстетической ценности искусства народностей Приамурья и месте его в художественной культуре народов мира. Недостаточно сказано здесь и о культурных контактах и взаимовлияниях народностей Амура с их ближними и дальними соседями. Скороговоркой, весьма бегло, автор

¹ B. Laufer. The Decorative Art of the Amur Tribes.— «Memoirs of the American Museum of Natural History», v. VII, N. Y., 1902, p. 7—9.

упоминает о контактах коренного населения Приамурья с русскими, корейцами и китайцами (стр. 11). Но ведь хорошо известно, какую роль сыграли в развитии материальной и духовной культуры охотников-рыболовов Амура кочевники-скотоводы тюрко-монгольского происхождения².

Следовало бы расширить главу «Орнамент» и рассказать в ней не только об орнаментальных мотивах (что само по себе тоже важно), но и о композиции и типовом составе орнамента, попытаться дать его классификацию.

В перечне иллюстраций автор почему-то ограничивается только названиями произведений народного декоративного искусства, оставляя без внимания такие важные вопросы, как, например, сведения о том, где, когда и кем изготовлен тот или иной предмет, каковы его размеры, как он называется на языке данной народности и где находится в настоящее время — в музее или в частном собрании.

Хотелось бы увидеть в книге хотя бы краткий список основной литературы об искусстве народов Дальнего Востока. Такой список помог бы читателю углубить и расширить знания, почерпнутые из книги.

Отмеченные недостатки не снижают той высокой оценки книги, которая была дана выше. Это книга очень нужная, и она, несомненно, пробудит у многих читателей самый живой интерес к самобытному и прекрасному декоративному искусству малых народов Советского Дальнего Востока.

Н. В. Качешков

² С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXXI, М. — Л., 1963, с. 373, 433—437.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. VI, ч. 2. Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975, 400 с. Составитель **К. Т. Самородов**. Редактор **К. В. Чистов**.

Сектор фольклора Научно-исследовательского Института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР с 1963 г. издает многотомную антологию мордовской народной поэзии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». В вышедших томах представлены основные образцы жанров мордовского (мокша и эрзя) фольклора: эпические и лирические песни, частушки, сказки, пословицы, поговорки и загадки, эрзянские похоронные причитания.

В жизни и духовной культуре народа особое место занимают свадебные обряды и сопровождающая их поэзия. Являясь одним из самых древних видов фольклора, свадебная поэзия по богатству и разнообразию жанров, по драматизму содержания, по сложности композиции, по охвату разных сторон действительности занимает исключительное место в мордовском фольклоре. Не случайно мордовская (эрзя и мокша) свадьба привлекала внимание этнографов, языковедов, писателей и путешественников еще со второй половины XVIII в. Немало ценных сведений о свадебных обрядах оставили М. Попов, П. Мельников-Печерский, Н. Орлов, С. Кронтовский, К. Фукс, А. Терновский, Н. Смирнов и другие.

Однако материал собирался главным образом по эрзянской свадьбе, мокшанская же до сих пор была известна только по разрозненным фрагментам поэтических текстов, в записях известного финского исследователя Х. Паасонена и выдающегося мордовского этнографа и фольклориста М. Евсевьева. Эти записи были сделаны с целью изучения языка и не давали представления о сущности и специфике свадьбы. Поэтому запись и издание свадебных обрядов и песен, особенно мокшанских, ощущались как актуальная проблема, а издание их — неотложная задача. Именно поэтому сектор фольклора мордовского института в последние годы провел серию фольклорно-этнографических экспедиций в разные районы Мордовии и за ее пределы, привлекая к участию в них фольклористов, писателей, учителей и студентов. В результате накопился значительный материал. Это позволило приступить к подготовке научного издания мордовской свадьбы в двух книгах. Первая часть посвящена эрзянской свадьбе¹, вторая — мокшанской.

Рцензируемый полумтом — первая крупная публикация мокшанской свадьбы. В ней отразились правовые, морально-этические и религиозные взгляды мордвы с древнейших времен до наших дней, в частности мифологические воззрения, отголоски языческих верований, древние обряды, обычаи, а также разносторонний мир человеческих переживаний и быта (дореволюционного) мордвы, ее чаяния и ожидания.

¹ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. VI, ч. I — эрзянская свадебная поэзия. Сост. текстов, подстрочно-смысловый перевод с морд. на русск. язык А. Г. Борисова. Общая ред. К. В. Чистова и Л. С. Кавтаськина. Саранск, 1972, 470 с.